

чаешь слѣдующее: во-первыхъ, нѣкоторую импрессионистическую эзотропность выраженія, которой въ прежнемъ Бунинѣ, какъ будто, не было; напримѣръ: «лысый еврей... который... съ бѣшеной страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ» или лѣтужи, которые поютъ, «какъ неживые»; а, во-вторыхъ, такую тишину описанія, которая даетъ уже не только внѣшній образъ явленія, но какъ бы анализъ его.

«Онъ (красноармеецъ), обросъ густой красной бородой Крутые, прозрачно коричневые глаза стоятъ, какъ у филина Стриженная голова имѣетъ форму гроба». На первый взглядъ, самый обыкновенный рисунокъ. Но я чувствую въ красной бородѣ красный кумачъ революціи; при упоминаніи стоящихъ, какъ у филина, глазъ невольно наталкиваюсь на мысль, что, какъ филинъ слѣпнетъ днемъ, такъ и народъ остѣпѣлъ отъ свѣта революціи, и живе вътя переть собору голову, имѣющую форму гроба, идруть чувствую связь вырожденія и преступленія, какъ центральную тему революціи. Такіе примѣровъ можно было бы найти много. Я знаю, что своимъ анализомъ я убиваю живую душу бунинскаго описанія: упрощаю и опрощаю рисунокъ. Ясно, что Бунинъ въ процессѣ письма не думалъ о томъ, что я въ его разсказѣ искрываю. Однако, безсознательно это въ немъ все же очевидно думалось: — ипаче мнѣ не объяснить моихъ мыслей о его красноармейцѣ.

Закрывая «Божье Древо», испытываешь много разныхъ чувствъ. Но — прежде всего радость, о томъ, что писатель, давший такъ много, какъ Бунинъ, все еще продолжаетъ духовно расти и творчески преобразоваться.

Федоръ Степунъ.

Д. Мережковскій. Тайна Запада Атлантида-Европа Бѣлградъ Русская Библиотека. 1931 г.

Въ краткой рецензіи невозможно передать идейное богатство этой новой книги знаменитаго русскаго писателя. Да и рецензію о ней полагаюсь бы писать не мнѣ, а скорѣе М. И. Ростовцеву: не обладая знаніями въ области, на изученіе которой Д. С. Мережковскій положилъ долгіе годы, я не могу касаться того, что все-же составляетъ существо книги. — спора объ Атлантидѣ А основныя мысли автора уже были хорошо изложены на страницахъ главныя эмигрантскихъ газетъ, и навово излагать ихъ бесполезно, — вдобавокъ никакой пересказъ не дастъ надлежащаго представленія о книгѣ. Значительность поднятыхъ въ ней вопросовъ и всемірная извѣстность Д. С. Мережковскаго даютъ полное право разсчитывать, что всякій образованный русскій прочтетъ «Атлантиду-Европу».

Самъ авторъ книги, впрочемъ, въ это плохо вѣритъ. «Книга эта письмо въ булыжкѣ, брошенное въ море съ тонущаго корабля», — пишетъ онъ еще въ «Тайнѣ Трехъ» Объ этихъ своихъ словахъ онъ напоминаетъ и въ «Безполезномъ предисловіи» къ новому своему труду. Замѣтимъ, что по силѣ и блеску выраженія «безполезное предисловіе» относится къ самымъ замѣчательнымъ частямъ книги. Харак-

терь его чисто-эсхатологическій. Д. С. Мережковский, правда находить, что «конецъ свѣта есть видѣніе русское, что вся наша литература, — отъ Чаадаева, который всю жизнь молился въ смертной страхѣ за Россію и Европу вмѣстѣ: «да придетъ царствие Твое», и Гоголя, который сошелъ съ ума и умеръ отъ этого страха, черезъ Достоевскаго, «человѣка изъ Апокалипсиса», до Вл. Соловьева съ повѣстью его о «кончинѣ міра» и Розанова съ его «Апокалипсисомъ нашихъ дней», — вся русская литература, душа Россіи, есть эсхатология». Въ отношеніи всей русской литературы такое утвержденіе обосновать было бы трудно, — достаточно назвать Пушкина (если не извлекать изъ него отдѣльныхъ строкъ). Но самъ Д. С. Мережковский всю жизнь говорилъ о «концѣ». Въ предисловіи къ «Атлантидѣ Европы» онъ достигаетъ такой высоты краснорѣчія, какой, быть можетъ, еще никогда не достигалъ до сихъ поръ.

«Можетъ быть, укрѣпляя внѣшній порядокъ и не думая о внутреннемъ, мы укрѣпляемъ стѣнки снаряда, начиненнаго порохомъ. чѣмъ крѣпче стѣнки, тѣмъ сильнѣе будетъ взрывъ... — «Черезъ 20-30-50 лѣтъ будетъ вторая война; если не мы, то наши дѣти, внуки, правнучки, увидятъ ее: всѣ это знаютъ или предчувствуютъ. «Миръ, миръ», говорятъ, а звучитъ «война, война». Хочешь мира, готовься къ войнѣ; хочешь войны, говори о мирѣ». — «О, конечно, Россія сама себя погубила; будемъ щедры, скажемъ: девять десятыхъ гибели принадлежатъ ей, но все-таки одна десятая принадлежитъ и Европѣ. Девять пудовъ, наваленныхъ на спину человѣка могутъ его не раздавить, но отъ десятаго — кости хрустнутъ». — «Русскій коммунизмъ, оледенѣлая глыба войны, медленно таетъ подъ солнцемъ европейскаго «мира»: когда же растаетъ совсѣмъ, — рухнетъ на Европу» — «Быкъ, идучи на бойню, жалобно мычитъ; такъ Европа, идучи на войну, говоритъ о мирѣ. Можно бы избѣгнуть второй войны, если бы мы помнили первую, но память наша о ней — тусклая лампада надъ могилою Незвѣстнаго Солдата Миролюбивая Европа — какъ железа прелюбодѣйная, обтерла ротъ свой и говорить: «я ничего худого не сдѣлала».

Эти идеи, высказанныя въ книгѣ съ необыкновенной силой и краснорѣчіемъ, собственно не такъ ужъ тѣсно связаны съ общими міропониманіемъ Д. С. Мережковского. Сходныя мысли высказывались Шпенглеромъ. Высказывались онъ выдающимся философомъ Г. А. Ландау, еще въ 1914 году предвосхитившимъ очегъ многое изъ того, что впоследствии принесло Шпенглеру его міровую славу. Высказывались онъ и другими. — нѣкоторыя изъ этихъ мыслей считаетъ весьма близкими своимъ и пишущій эти строки. На нихъ сходятся такимъ образомъ люди, чуждые и другъ другу, и автору «Атлантиды Европы». Точно также и отвѣты могутъ быть самые разные, — отъ того, который дается Д. С. Мережковскимъ, до «Alles was entsteht, ist wert, dass es zu Grunde geht», или до словъ Шпенглера. «Im Allgemeinen freilich haben die Weisen aller Zeiten immer das Selbe gesagt, und die Thoren, d. h. die unermessliche Majorität aller Zeiten,

haben immer das Selbe, nämlich das Gegentheil. gethan: und so wird es denn auch ferner bleiben»

«Вѣтеръ потона свиститъ во всѣ щели нашей европейской жизни, — будемъ же строить ковчегъ», — говоритъ Д. С. Мережковский. Вѣтеръ свиститъ во всѣ щели, это совершенно вѣрно. А вотъ въ вопросѣ о «ковчегѣ» авторъ новой трилогіи занимаетъ особое, одному ему принадлежащее мѣсто. Особнякомъ стоитъ онъ и во всей своей литературной дѣятельности, яркой, своеобразной, ни на что другое не похожей. Имя и книги Мережковского извѣстны образованнымъ людямъ во всемъ мѣрѣ; есть у него теперь и послѣдователи, но самъ онъ ничѣмъ послѣдователемъ не является, и даже съ тѣми писателями, имена которыхъ часто произносятся въ статьяхъ о немъ (Достоевскій, Розановъ), у него въ сущности не очень много общаго.

«Человѣкъ знаетъ, что умретъ, потому что другіе люди умираютъ; такъ второе человечество знаетъ или могло бы знать, что умретъ, потому что умерло — первое». Это основная мысль книги. Для ея обоснованія пущены въ ходъ огромный ученый аппаратъ, рѣдкій литературный даръ (достаточно прочесть описаніе Елеазарскихъ таинствъ). Въ обсужденіе доводовъ Д. С. Мережковского мы входить не можемъ и не станемъ. Вѣрно было, къ тому же, сказано въ недавней статьѣ о книгѣ: «эти доводы, эти зарисовки не въ «силлогизмахъ и индукціяхъ», а часто строятся «по законамъ какой-то невѣдомой намъ логики, въ прозрѣніяхъ, ясновидѣніяхъ, интуиціяхъ». — Если бы сложное строеніе, возводимое авторомъ книги, всегдѣ основывалось на «силлогизмахъ и индукціяхъ», мы могли бы высказать сомнѣніе характера прагматическаго: можно ли, разумно ли строить болыше зданіе на такомъ (все-же довольно шаткомъ) фундаментѣ, какъ гипотеза объ Атлантидѣ? Что, если правъ Аристотель, насмѣливо относившійся къ этой гипотезѣ: «кто Атлантиду создалъ, тотъ и разрушилъ». Между тѣмъ книга Д. С. Мережковского, его философскій подъемъ, блескъ его тонкой мысли, отчетливость его стиля, это высокія цѣнности русской и европейской литературы.

М. Алдановъ.

М. А. Алдановъ. Десятая Симфонія. Изд-во «Современныя Записки». Парижъ, 1931.

«Читалъ онъ преимущественно старыя журналы. Здѣсь были разсказы о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ въ послѣднія сто лѣтъ, — мосье Изабе почти все это помнилъ, — биографіи знаменитыхъ людей вѣка, — мосье Изабе почти всѣхъ ихъ знаетъ». Эти слова можно было бы примѣнить и къ автору этой книги, хотя онъ — нашъ современникъ и не жилъ въ концѣ 18-го и въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Не память и личное знакомство, но тщательное изученіе и интуиція художника приводятъ къ аналогичному результату: интимному, личному знанію давно прошедшей эпохи, давно умершихъ людей. Объ этихъ людяхъ и этой эпохѣ Алдановъ имѣетъ